

Фото В. ОСКОЛКОВА

Нина, нет глаз строже и добрее

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Федор ЧЕХАНКОВ

Она никогда не скрывала и не скрывает свои годы. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, семьдесят пять лет. Удивлялась и мило иронизировала над нашими "звездами", которые всегда на гастроли театра забывали паспорта, не давая удовлетворить любопытство гостиничных администраторов, сколько лет актрисам. 7 января 1997 года, в русское Рождество, удивительно уникальной Нине Сазоновой, нашей родной Нинуле, исполнилось восемьдесят лет. В этот день Спаситель послал на землю, на нашу русскую землю, женщину особой душевности, сердечности, отзывчивости, щедрости и многогранно талантливого человека. Она — знак России. В ней все лучшее, что есть в нашей нации. Такие люди приходят на землю не так часто. Она тоже в какой-то степени спаситель — она спасла многих. Поверьте, это правда.

Вспоминаю первую встречу с ней. Мой первый сезон в театре 35 лет назад. Выпускают пьесу А.Макаенка "Левониха на орбите". Ставит Борис Львов-Анохин. Мы бегаем в массовке, Нина Афанасьевна репетирует соседку Клаву. Как мне казалось, ярче, звонче, живее и, конечно, смешнее всех. Я спешу в зал на все ее сцены, запоминая ее интонации, особую манеру ходить, бегать, придумывать и подавать репризы.

Такой эпизод. Главная героиня выгоняет своего мужа из дома, а Клава-Сазонова подхватывает его, успокаивает, любовным желанием увлекает к себе, гладит, и на генеральной репетиции рождается своя фраза: "Во баба, какого мужика выгнала. Ведь с ним же еще жить можно!!!". Партнеры морщатся — от себятина не лучшего вкуса. Премьера. На эту фразу зал взрывается хохотом и шквалом аплодисментов. Останавливается действие. После спектакля приходит автор и просит разрешения Нины Афанасьевны вставить ее фразу в текст пьесы.

И так было всегда. Всех своих героинь она придумывала сама. Вернее, не придумывала, а вспоминала этих женщин. Как они могли быть одеты, какая прическа, деталь, как ходили, а главное, что двигало их поступками. Она знала своих героинь, она жила с ними рядом.

Когда я пришел в театр, она еще не играла больших, главных ролей. Еще не пробил ее звездный час в кино, а потом и в театре. Она играла большие эпизоды и вторые характерные роли. Но часто они становились главной пружиной спектакля, сильнейшим эмоциональным ударом. Ее Тузикова в "Барабанщице" А.Салынского незабываема. Надо везде успеть, все знать первой. Поэтому она просто летала по огромной сцене нашего театра с тазом для белья и прищепками, рыжая с челкой. На все ее уходы, фразы, оценки — зрительский шквал. Она играла эту роль двадцать лет. Разве можно забыть ее Марфу Кротову в "Игре без правил" Л.Шейнина. Одна

картина — и вся трагичная жизнь русской бабы, вынужденной работать на фашистов ради дочери. Как она пила эти рюмки водки. Текли слезы по ее забитому страхом лицу. Как она распрямлялась и решалась на поступок. Я как сейчас помню ее последнюю фразу в картине: "А коль придется голову сложить, так хоть бабы в моей слободе скажут: жила Марфа свиньей, да хоть помирала человеком". Темнота и опять шквал аплодисментов. Я очень любил эти ее эпизоды. Много раз их смотрел и точно ее показывал. Нине Афанасьевне это нравилось, и она всегда говорила: "А ну-ка, покажи меня, Федь".

Потом пробил ее звездный час. Первая главная роль в кино — "Тетка с фиалками". Потом ее знаменитые "Женщины", "Живет такой парень", "Наш дом", "Моя улица" и другие фильмы. И, конечно, первая телевизионная повесть "День за днем" — ее тетя Паша и ее песенные шлягеры "Кап-кап". Но главное — "Стою на полустаночке". Эти песни знают все. Это простое, русское, родное, теплое лицо и отзывчивые глаза полюбили весь наш Союз. Ее узнавали везде: в гостинице, на улице, на базарах, в магазинах, называя ее именами героинь фильмов. "Ой, тетя Паш, здравствуй!". "Клава, голубка, да как же ты здесь оказалась?". Ей рассказывали женщины свои судьбы. Ничего не скрывая, понимая: она выслушает и поможет. И она всегда помогала. Когда она уезжала с гастролей, в купе ее новые подруги приносили подарки домашнего производства: банки варенья, мед, сало, подсолнечное масло. Она отказывалась, а они ей: "Нина, касатка, возьми, ведь в Москве

зимой трудно". Она дружила и дружит с этими женщинами десятки лет. Когда они приезжают в Москву на ее юбилей и спектакли, живут все у нее. И ей это не в тягость. Она рада. Она встает раньше всех, делает завтрак, только сама заваривает чай и варит щи с грибами. Она действительно все умеет.

У нее рабочие руки. Это еще с молодых лет, с войны. Две тысячи концертов на фронте. Первый — на Белорусском вокзале 22 июня 1941 года перед уходящими солдатами. Звучали залихватские, звонкие частушки. Потом сотни других: на грузовиках, в блиндажах, на лужайках, полянах, зимой, минус двадцать, а она в летнем крепдешиновом платье в цветах поет задорные, бодрящие песни. Потом Изюм-Боровиковское направление под Харьковом, страшное окружение, актерская бригада выйти не успела, партнера Тося Романова погибла, остальные попали в плен. Нина Сазонова, на счастье нам, вышла. Так было угодно Богу. Сидела в погребе, а наверху в избе слышала немецкую речь. Потом выскочила, спряталась в стог сена, рядом ходили немцы, тыкали стог штыками. Ночью пробежала по полю в конце деревни и пролежала в овраге с убитыми солдатами и офицерами три дня. Сожгла все документы и, как пастух погоняя коров, прошла линию фронта. Долго проверяли все органы НКВД, проверили и поверили, что артистка, отпустили в Москву. Когда она вернулась и вошла в театр, на служебном входе ее не узнали: это была другая Нина. А было ей всего 24 года. Потом все эти страшные дороги войны, кровь, боль, страдание, надежда на победу вошли в ее военные роли. У ее героинь были глаза, знавшие войну не по книжкам и фильмам.

Почти все ее героини пели. У нее настоящий, большой, глубокий, очень красивый тембр голоса. Уверен, не стань драматической артисткой, стала бы певицей уровня Лидии Руслановой. В ее песнях — всегда драматизм.

...Тысячи концертов по стране. Она была везде — Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, вся Россия. Она была концертирующая "звезда", только без фонограмм, слава Богу. Живые инструменты — баян и гитара. Она рассказывает, вспоминает и, конечно, поет всегда в конце с залом ставшую родной "Ромашки спрятались". Мы с ней часто были партнерами в спек-

таклях. Поверьте, это чудо. Она видит в партнере все малейшие изменения. Ее ни о чем не надо предупреждать. Реакция самая неожиданная, самая точная и самая живая. Органика у нее в крови. Мы с ней были даже любовниками в "Лесе" А.Островского. Она — Гурмыжская, я — Буланов. У нее были удивительное женское кокетство, жажда любви, поэтому глаза лучились ожиданием встречи. Ее блондинистая голова, сзади уложенные косы. А какие выглядели из-под длинных платьев соблазнительные штанишки-панталончики, все в кружавчиках. Как звучал ее томительный романс "Как владеть собой, коль влюблен...". И она не владела. И вот я подхватываю ее с качелей, несу на руках, падаю с ней в клумбу с цветами. Затемнение, и мы вместе в кровати, после ночи любви, счастливые, уставшие, и она с рук меня кормит и поит молоком. А над нами амур — купидон любви, направивший в нас свою коварную стрелу.

"Ужасные родители" Жана Кокто. Она — моя мать Ивонна, я — ее сын Мишель. Все в театре говорили, судачили: "Нина Афанасьевна — французка?". Спектакль шел десять лет. Успех зрительский огромный. На сцене не было французки — на сцене была мать. Страдающая, наивная, мудрая, нелепая в своей шляпке с вуалеткой. Она была лишняя и сама, самовольно уходила из жизни. Последние пять минут спектакля я рыдаю у ее постели, не веря, что она ушла. Так случилось, что 5 февраля 1987 года мы играли "Ужасные родители". Я знал, что моя мама лежит в больнице, умирает. 6-го утром мне позвонили и сказали: мамы больше нет. Потом надо опять играть этот спектакль, и каждый раз проигрывать эту ситуацию. Это — театр. Никуда не деться. Но когда я видел глаза Нины Афанасьевны, утыкался ей в живот, дергал за волосы, целовал ее мягкие, добрые руки, я легко произносил это самое нежное и нужное слово — Мама.

Милая Нина Афанасьевна, спасибо Вам, что Вы продлили жизнь моей матери во мне. Спасибо Вам, что Вы есть, именно такая. Что Вы в нашем, армейском театре, что Вы — пример независимости и достоинства. Что Вы прожили такую трудную, драматичную и очень счастливую жизнь. Что Вы не сложились. Что Вы состоялись. Что Вы несете свой крест и веруете. Низкий Вам поклон!

Всегда Ваш Федор ЧЕХАНКОВ